

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В ГЕОПОЛИТИКЕ: К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ МЕТОДА

А. А. Изгарская

Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук, Новосибирск, Россия
aizgarskaya@gmail.com

Проведен сравнительный анализ средств визуализации пространства в истории геополитики как науки. До середины XX века в геополитике существовало два основных подхода к пространству, которые в процессе визуализации делали акценты на различные объекты. Основоположники геополитики Ф. Ратцель и Р. Челлен для объяснения взаимосвязей пространства и государства использовали под влиянием органицизма и социал-дарвинизма образные биологические метафоры в качестве онтологии. Это приводило к политизации природных характеристик пространства и деполитизации политических по своей сущности явлений и процессов, что способствовало образованию в науке политических мифологем. В работах А. Мэхэна, Х. Маккиндера, К. Хаусхофера делался акцент на процессы международной конкуренции за пространство, в качестве средств визуализации они использовали геополитические карты. Связь с географией сближала данное направление с естественными науками и обеспечивала ему соответствие канонам научной рациональности, которые задавал позитивизм. Геополитики «перекраивали» географические карты в соответствии с основным предметом исследования – процессами борьбы государств за мировое пространство. Такие карты описывают или прогнозируют расколы мирового политического пространства, способны приписывать конкретное смысловое содержание зонам пространства, включенным в них сообществам и идентичностям. Проблемы использования геополитических карт для интерпретации современных процессов показаны на примере модели хартленда Х. Маккиндера. Современные способы визуализации в геополитике раскрыты на примере теории Р. Коллинза. Обзор эволюции способов визуализации в геополитике показал, что развитие шло от образных метафор к строгим, построенным в форме «если–то» утверждений дескриптивным моделям.

Ключевые слова: геополитика, геополитические карты, методы геополитики, концепция хартленда, теория геополитической динамики Р. Коллинза

VISUALIZATION OF SPACE IN GEOPOLITICS: TO THE PROBLEM OF THE EVOLUTION OF THE METHOD

Anna A. Izgarskaya

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation
aizgarskaya@gmail.com

The article presents a comparative analysis of space visualization tools in the history of geopolitical science. Until the middle of the 20th century, there were two main approaches to space that accented various objects in the process of visualization. The founders of geopolitics Friedrich Ratzel and Rudolf Kjellen were influenced by organicism and social Darwinism, so they used figurative metaphors to explain the relationship between space and the state. Biological metaphors have been used as ontology of the state that led to the politicization of the natural characteristics of space and the depoliticization of really political phenomena and processes. The result was the emergence of political mythologems in science. Alfred Mahan, Halford Mackinder, Karl Haushofer studied the processes of international competition for world domination in their works. Geopolitical maps were used as visualization tools. The connection with geography brought their theoretical constructions closer to those of natural sciences and ensured compliance with the requirements of scientific rationality, which were required by positivism. A comparative analysis of geopolitical and geographical maps showed that geopoliticians “redrew” geographical maps in accordance with the main object of the study – the processes of the struggle of states for world space. Geopolitical maps focus the viewer’s attention on existing or possible areas of conflict of interest between competing powers in unstable regions of the world. Geopolitical maps describe or predict breaks in the global political space. They are able to attribute specific semantic content to the zones of space, as well as to the communities and identities included in them. Geopolitical maps, unlike geographical ones, do not exist without texts, since any of them is only an illustration of the scientist’s ideas. The problems of using geopolitical maps to interpret the processes of modernity were shown by the example of Mackinder’s heartland model. At the present stage, there are several key zones in the world, and the modern idea of the location of the heartland depends on the subjective positions of scientists. Attempts to bring the theory model in line with political reality lead to a significant distortion of the authentic model or a narrowing of the empirical field of Mackinder’s theoretical construction. Despite the existing problems and justified criticism, the rejection of Mackinder’s heritage would mean significant losses not only in the field of the history of geopolitical thought, but also for studies of competition for territorial control in the modern world. Modern methods of visualization in geopolitics were illustrated by Randall Collins’ theory of geopolitical dynamics. The review of the evolution of visualization methods in geopolitics led to the conclusion that the development of

the scientific method proceeded from figurative metaphors to strict descriptive models built in the form of “if-then” statements that make nomological explanation and prediction possible.

Keywords: geopolitics, geopolitical maps, methods of geopolitics, concept of heartland, theory of geopolitical dynamics by Randall Collins

DOI 10.23951/2312-7899-2023-3-37-53

Геополитика многолика. Как реальность она врывается в нашу повседневность сообщениями средств массовой информации о взрывах, бомбежках, погибших людях, потоках беженцев, она разламывает наше представление о пространстве на «безопасное» и «опасное». Геополитика звучит в многоголосой политической риторике. В обращенных к народам речах политических элит она интерпретирует мир, раскалывая его на различные зоны, приписывая им на уровне ярлыков различные характеристики и свойства. В этом случае геополитика входит в сознание людей в качестве мифов, принадлежащих метаязыку, «привыкшему не *воздействовать* на вещи, а *воспевать* их» [Барт 2004, 271]. Она может беззастенчиво льстить, воспевая добродетели народов, к которым обращается политик, и демонизировать их общего врага. Геополитика как наука учит нас смотреть на мир через понятия, модели, карты. Она объявляет свой подход рациональным, чем, с одной стороны, легитимирует свои, часто идеологически нагруженные концепты и соответствующие определенному историческому периоду развития методы, а с другой – притупляет чувство страха, делает миф менее распознаваемым. Способность раскалывать пространство характерна для геополитики в любой ее ипостаси. Обращает на себя внимание, что визуализация международного пространства и существующих в нем расколов используется в качестве метода познания в геополитической науке с момента ее возникновения на рубеже XIX–XX веков, это позволяет поставить вопрос об эволюции данного метода.

В истории геополитики, примерно до середины XX века, существовало два основных подхода к пространству, которые в процессе визуализации делали акценты на различные объекты. Такие мыслители, как Ф. Ратцель и Р. Челлен, опираясь на идеи органицизма и социал-дарвинизма, понимали пространство как силу и сосредоточивались на проблемах его взаимосвязей с государством как живым организмом. В своих трудах они использовали образ

ные биологические метафоры, позволяющие «схватить» основные элементы и характеристики взаимосвязей. В работах А. Мэхэна, Х. Маккиндера, К. Хаусхофера делается акцент на пространство глобального уровня. Ученые не пренебрегали познавательными возможностями метафор, однако, исследуя процессы международной конкуренции за господство, они создавали геополитические карты мира. Рассмотрим подробнее объекты визуализации пространства в геополитике.

Ф. Ратцель понимал государство как продукт органической эволюции и считал, что оно подобно дереву. Как любой здоровый организм, действуя в соответствии с биологическими законами, государство, считал Ф. Ратцель, растет и расширяет занимаемое им пространство. Пространство превращается в силу и обеспечивает материальное развитие и духовное становление народа. Каждый народ имеет в культуре пространственную концепцию – идею о пределах территориального роста. По мысли Ф. Ратцеля, народы с наиболее развитой культурой должны врасти в рамки материков. Метафора дерева позволила Ф. Ратцелю показать укорененность государства и народа на определенной почве, передать идею территориальной экспансии. Однако онтология государства, переданная посредством метафоры дерева, имела свои границы, она не могла служить инструментом для объяснения изменений в текущих политических процессах.

В концепции Р. Челлена государство предстает в качестве высокоорганизованного организма, подобного человеку, а характер его взаимосвязи с территорией «обуславливается органическим отношением, наподобие отношения тела с сердцем, легкими, другими менее благородными частями» [Челлен 2008, 114]. Государства рождаются, растут, увядают и умирают. Следуя закону естественного отбора, они находятся в постоянной конкуренции друг с другом за жизненное пространство. Предложив более сложную метафору, Р. Челлен получает возможность детально охарактеризовать взаимосвязь государства и пространства. Во-первых, он смог описать структуру государства, выделив пять элементов государственной политики: геополитику, этнополитику, экономополитику, социополитику и административную политику. Роль и согласованность пяти элементов Р. Челлен поясняет метафорой руки, которая в мирное время трудится, а в военное служит защите государства. Во-вторых, его метафора диктовала иной образ взаимосвязи государства и пространства. Государство не вырастает из земли в соответствии с метафорой Ф. Ратцеля, оно вырастает в землю вместе

со своим народом. «С каждым поколением, трудящимся на отчей земле и сходящим в нее как в могилу, возрастает народное чувство солидарности по отношению к своей земле, словно возделанные нивы и благословенные жилища суть одно и то же поле для игры, работы и кладбищенского погребения» [Челлен 2008, 114]. Особое место в концепции Р. Челлена занимает метафора сердца. Сердце не дается изначально, оно является воспитанным веками чувством солидарности к знаковому для народа месту в пространстве тела государства. Например, Р. Челлен пишет: «Ошибка Наполеона состояла в том, что он, занимая Москву, думал, будто поражает Россию в самое сердце. Это был ошибочный вывод в его основном замысле по ведению войны, поскольку Россия тогда еще не имела сердца в том смысле, как современные ей западные народы» [Челлен 2008, 115].

Общей чертой таких метафор, заимствованных из биологии, является их способность «преобразовать историческую интенцию в природу, происходящее – в вечное» [Барт 2004, 269]. Всматриваясь в их содержание, мы можем наблюдать, как, с одной стороны, в процессе разворачивания понятий происходит политизация естественных, природных характеристик пространства, а с другой – деполитизация политических в своей сущности явлений и процессов. Мы видим рождение мифа. Захват государством обширной территории предстает перед нами как естественное вращение величественного дерева в окружающее его пространство, а поражение в войне – как схватка двух одинаковых по природе, но не по уровню развития организмов, где более примитивный организм не может быть уничтожен по причине отсутствия у него сердца.

Теперь рассмотрим визуализацию глобального пространства. Следует отметить, что геополитику нельзя назвать наукой, которая первой стала использовать метод визуализации по отношению к земному пространству. Задолго до появления геополитики география составляла и использовала различные виды карт земной поверхности. Глобус, карта, цифровая модель Земли моделируют и поддерживают эмпирически нереализуемые оптики и способы виденья, претендующие на эмпирическую достоверность. «Карты, глобусы, топографические планы городов, Яндекс-карты и Google-maps – это реальные (материальные) репрезентационные поверхности (конкретные места)» [Гавриленко 2021, 266]. Близость геополитики и географии очевидна. Неслучайно онтологию геополитического пространства как силы определил основоположник политической географии Ф. Ратцель, а основоположник англий-

ской геополитики, член Королевского географического общества Х. Маккиндер предложил холистический взгляд на мир и назвал его «новой географией». Связь с географией сближала геополитику в период ее становления с естественными науками и обеспечивала ее теоретическим построениям соответствие канонам научной рациональности, которые задавал позитивизм.

В работах геополитиков географические, политические, исторические карты, а также схемы военных батальи используются довольно часто. Однако геополитические карты в сравнении с картами географическими имеют некоторые особенности; назовем основные из них. Во-первых, если географы стремятся отобразить реалии ландшафтов мира, то геополитики занимаются «перекраиванием» географических карт в соответствии с основным предметом своей науки – процессами борьбы государств за мировое пространство. Географическая карта является выборочным изображением более богатого и сложного пейзажа. В своих интерпретациях геополитик стирает с географической карты большее количество визуально воспринимаемых характеристик пространства, оставляя лишь ту малую часть, которая необходима, чтобы разместить на ее поверхности воображаемые области концентрации силы и обосновать идею источников господства. Геополитическая карта позволяет увидеть глобальные разломы между Югом и Севером, между державами Моря и Суши, между политико-экономическими системами, находящимися по разные стороны «железного занавеса», между «цивилизованными» и «изгоями» и т.д. Она способна приписывать конкретное смысловое содержание различным зонам пространства, а также включенным в них сообществам и идентичностям. С помощью полученного инструмента геополитик не только описывает, объясняет и предсказывает, но и, будучи политически ангажированным, легитимирует процессы конкуренции держав за территорию, особенно в периоды войн, когда появляется опасность для существования нации. Геополитические карты в такой ситуации могут становиться инструментом власти, одним из средств убеждения и мобилизации масс¹.

Далее, политические карты посредством соответствующих обозначений указывают границы уже подчиненного государству пространства. Геополитические карты ориентируют внимание зрителя на существующие или возможные зоны столкновения интересов конкурирующих держав в нестабильных регионах мира, которые лишь в перспективе могут обернуться или расширением террито-

¹ Например: [Dodds 2007, 115–116, 127].

риального влияния, или сжатием контролируемого пространства.

Следует отметить еще одно важное отличие политических и геополитических карт. Политическая карта мира, как правило, позволяет получать исчерпывающие, точные ответы, не требуя особой подготовки и обязательного обращения к вспомогательным текстам. Геополитическая карта нуждается в тексте, поскольку является лишь иллюстрацией содержащихся в нем идей. Именно текст позволяет понять расположенные на геополитической карте надписи, линии или пятна, сделанные чаще всего при помощи серого цвета разной насыщенности или штриховкой. Без текста геополитические карты малоинформативны, они не имеют самостоятельного значения.

Наиболее успешные модели геополитических пространств обретают долгую жизнь в науке, они продолжают активно использоваться даже тогда, когда породившая их эпоха уже давно стала предметом истории. Ярким примером может послужить модель осевого региона, или хартленда, Х. Маккиндера. В статье «Географическая ось истории» (1904) он провел анализ мировой истории и географии, иллюстрируя свои идеи несколькими картами [Маккиндер 1995]. Модель мирового пространства у Х. Маккиндера, как и у большинства представителей геополитики того периода, является бинарной – «Суша–Море». Постулируя тезис о конфронтации государств Суши и Моря, Х. Маккиндер предсказывал наступление новой эпохи, в которой произойдет смена мирового лидера. В отличие от американского геополитика А. Мэхэна, видевшего в морской силе путь к могуществу, он был убежден, что в результате развития транспорта происходит смещение баланса сил в пользу сухопутных держав, таких как Россия и Германия. В последующих своих работах Х. Маккиндер вводит понятие «хартленд» (или «осевой регион»), обозначающее ключевую для международной политики область контроля над пространством. Контроль над этой обширной территорией, расположенной на востоке Европы и включающей западную часть России, обеспечивает, по его мнению, господство над Мировым островом (Евразией и Африкой), что открывает путь к мировому господству.

Созданная в эпоху колониализма концепция хартленда продолжает использоваться как теоретическое основание научных построений, несмотря на ее несоответствие современным реалиям. Несоответствие модели реалиям обнаруживалось уже при жизни мыслителя. В результате он сам несколько раз менял размер и место хартленда на карте, подгоняя его содержание под текущую между-

народную ситуацию. Так, в 1919 году Х. Маккиндер расширил хартленд, включив в него бассейны Черного и Балтийского морей. Последняя версия хартленда стала включать в себя территорию Сахары, пустыни Центральной Азии, Арктику и субарктические земли Сибири и Северной Америки. Иными словами, при столкновении с аномалией ученый не развивает теоретическую конструкцию, а расширяет понятие до нужного ему объема [Изгарская 2002, 95].

Интерес к концепции хартленда в науке возрастает после распада СССР. Данный факт можно объяснить тем, что с распадом системы социализма «ключевых зон» в мировой политике становится больше. При этом место расположения хартленда в современных работах стало зависеть от места нахождения ученого, использующего модель в качестве теоретического основания. Приведем несколько примеров.

После распада СССР на территории Центральной Азии возникает ряд независимых государств, которые стали активно включаться в международную систему разделения труда. В результате пространство Центральной Азии превращается в обширное поле международной конкуренции, а модель хартленда становится востребованным инструментом научного анализа². Например, С. Матикеева видит Кыргызстан как «один из стратегически важных пунктов хартленда» [Матикеева 2005, 30].

Идея об изменении первоначального положения хартленда присутствует во многих работах. Например, Н. Бакаре и М. Р. Тур считают, что местоположение хартленда в Восточной Европе на современном этапе неактуально. Они не развивают новую теорию, а трансформируют концепцию Х. Маккиндера для объяснения геостратегического значения Индийского океана. Исследователи обращают внимание на активное строительство портов и рост конкуренции в данном регионе. Это позволяет ученым говорить о «нео-осевом регионе». Формула Х. Маккиндера обретает у них совершенно новое содержание: «...кто будет править нео-осевым регионом (Индийским океаном), тот будет иметь прямой транзитный доступ к хартленду (Центральной Азии), а тот, кто будет править хартлендом, будет править миром» [Bakare, Toor 2019, 55]. Трансформируя формулу Х. Маккиндера, Н. Бакаре и М.Р. Тур не замечают, что их теоретическая конструкция противоречит концепции Х. Маккиндера. Основной их тезис содержит в себе идею о том, что «в современной глобальной политике господство над морскими путями является предпосылкой для приобретения превосходства

² Об этом: [Мегоран, Шарапова 2005].

над сухопутными путями» [Bakare, Toor 2019, 43]. Однако, с позиции Х. Маккиндера, это означает возврат человечества к факторам конкуренции эпохи Колумба, когда контроль над морскими путями обеспечивал государству контроль над миром, а хартленд еще не сложился. Эпоха хартленда – эпоха независимости стран Суши от морских путей.

Распад Варшавского блока и СССР усилил международную конкуренцию за влияние над Восточной Европой. Модель Х. Маккиндера оказывается востребованной Зб. Бжезинским. В 1999 г. на ее основе он утверждал, что США сохранят статус единственной сверхдержавы, если смогут контролировать Центральную и Восточную Европу [Cimek 2020, 96]. В период возрождения американского изоляционизма, при администрации президента Д. Трампа, Восточная Европа превращается в зону столкновений интересов европейского капитала, Китая и России. В данной ситуации концепция хартленда «связывает контроль над Центральной и Восточной Европой с контролем над ценными промышленными и сельскохозяйственными ресурсами» [Mazzucelli et al. 2017, 45]. Первоначальную концепцию хартленда также используют Леонард Хохберг, Джеффри Слоан при освещении стратегических целей России и Китая в Восточной Европе [Hochberg, Sloan 2017].

Российские ученые, как правило, видят границы хартленда в соответствии с его первой моделью³. Однако в отечественной науке есть и примеры перенесения местоположения хартленда. А. М. Лавренов, описывая проблемы, возникшие у современного российского государства, видит выход из сложившейся ситуации «в конкретизации идентичности России как “цивилизации Суши” и в объединении евразийского “Хартлэнда”» [Лавренов 2019, 88]. Автор статьи игнорирует отказ Х. Маккиндера от дихотомии «Суша–Море» после того, как в процессе Второй мировой войны стала очевидной способность государств Суши и государств Моря заключать друг с другом военные союзы. Далее А. М. Лавренов утверждает, что Россия должна «стать центром “оси истории”, вокруг которой произойдет объединение евразийского континента» [Лавренов 2019, 88–89]. Однако Х. Маккиндер утверждал иное: контроль над хартлендом является условием глобального господства, а не предпосылкой установления контроля над отдельным регионом. Утверждение, что контроль над хартлендом обеспечит России объединение евразийского континента, является примером сокращения эмпирической области концепции Х. Маккиндера (в терминах И. Лакатоса).

³ Об этом: [Горбунов 2017].

Таким образом, приведенные примеры позволяют увидеть как минимум три варианта хартленда в современном мире.

Противоречия, которые несут в себе попытки интерпретации современных процессов на основе модели хартленда Х. Маккиндера, позволяют ряду авторов выступить с резкой критикой концепции⁴. Например, по мнению А. Дака, в концепции хартленда «видение мира структурировано по тем же параметрам, что и старинные так называемые “Т-О-видные” карты» [Дака 2005, 61]. Следует признать, сформированная по стандартам прошлого концепция хартленда в качестве лучшего результата поиска вечного и неизменного пространства силы может занять достойное место в ряду легендарных мест, подобных тем, что описал У. Эко в своей работе «История иллюзий» [Эко 2018]. Однако полный отказ от наследия Х. Маккиндера означал бы существенные потери не только в области истории геополитической мысли, но и для исследований конкуренции за территориальный контроль. Многие идеи Х. Маккиндера выглядят вполне современно. Как отметил Дж. Слоан, Х. Маккиндер «определил две устойчивые черты демократических режимов, которые одновременно и объясняют, и предостерегают. Во-первых, во времена мира и процветания демократии отказываются мыслить стратегически до тех пор, пока их не вынуждают это сделать. Во-вторых, политические элиты в этих странах отделяют свои нормативные идеалы международного порядка, основанного на правилах, от существующих и возникающих геополитических реалий» [Sloan 2020, 4]. В целом следует отметить, что, несмотря на имеющиеся проблемы, геополитические карты могут быть весьма полезными информационными источниками, поскольку отражают визуально воспринимаемые перспективы конкуренции держав (включая инструменты «мягкой силы») в регионах с нестабильными условиями⁵.

Во второй половине XX века происходит изменение способа конструирования моделей и визуальной репрезентации пространственных объектов геополитики. Этому способствовали социальные трансформации и изменения, произошедшие в самой соци-

⁴ Интересным фактом является то, что содержание российских учебников геополитики транслировало концепции первой половины XX века и идеологические модели периода холодной войны, однако проведенное С. Мякинен (Финляндия) в 2014 г. исследование показало критическое отношение российских преподавателей к таким моделям. С. Мякинен отмечает: «Они считают, что <...> сегодня требуются новые модели, отражающие современные реалии» [Mäkinen 2014, 103].

⁵ Например: [Кефели 2022, 108].

альной науке. В 1945 году геополитика была изгнана на несколько десятилетий из науки как идеология фашизма. Ее возврат, который принято связывать с именем Г. Киссинджера, произошел только в 1977 году. За период отсутствия геополитики ее проблематика становится областью исследования других социальных наук. Распад колониальной системы сопровождался ростом интереса к государству. В результате в экономической и социальной теории, а также в политической теории происходит «пространственный поворот» [Hubbard et al. 2005, 203]. В конце 1960-х – 1970-х годах в социальных науках начинает формироваться военно-центрированный подход⁶. Происходит отказ от органицизма, подменявшего анализ конкретных проблем развития обществ биологическими метафорами. Теоретическими основаниями исследований контроля над пространством становятся работы О. Конта, К. Маркса, М. Вебера, Т. Парсонса и др. Широкое распространение получает сравнительно-исторический метод. Изменяется стандарт, предъявляемый к научным теориям. Теория начинает пониматься как «дедуктивно организованная совокупность суждений, сформулированных в замкнутой системе понятий» [Розов 2002, 110]. Теория должна быть построена в форме «если–то» утверждений. Она должна быть фальсифицируема, должна объяснять и предсказывать новые факты. Социальные модели, построенные с акцентом на внутренние процессы в обществе, начинают уступать место моделям, построенным методом «извне–внутри». В таких моделях процессы внутри обществ объясняются через взаимосвязь внутренних и внешних факторов. Возврат геополитики происходил на новых, подготовленных развитием других наук, основаниях. Формируются междисциплинарные связи, расширяется геополитическая проблематика. Геополитика часто становится одним из аспектов социальных исследований⁷. В результате в современной геополитике теоретические конструкции визуализируются не только посредством карт, но и посредством диаграмм, шкал, таблиц, блок-схем, графических схем, тренд-структур, моделей переменных и др.

Приведем один пример средств визуализации в геополитической теории, отвечающей современным требованиям. В 1979 г. Р. Коллинз предложил теорию геополитической динамики, на основе которой предсказал распад СССР. Онтологические и теоретико-методологические основания он заимствовал в работах М. Вебера. В соответствии с его идеями Р. Коллинз определил государ-

⁶ Например: [Stinchcombe 1968; Carneiro 1970; Parker 1976].

⁷ Например: [Pereira et al. 2022].

ство как легитимную систему насилия над некоторой территорией. Данное определение играет роль твердого ядра в его научно-исследовательской программе (в терминах И. Лакатоса). Теория состоит из пяти геополитических принципов, которые построены в форме «если–то» утверждений, и четыре из них представлены в виде тренд-структуры [Коллинз 2015, 88].

Первый принцип сформулирован следующим образом: «Преимущество в размерах и ресурсах благоприятствует территориальной экспансии» [Коллинз 2015, 82]. Содержание данного принципа задает шкалы для двух переменных, которые позволяют сравнивать государства, соотнося их с уровнями «большая территория» и «малая территория», «ресурсно-богатые» и «ресурсно-бедные». Иными словами, данный принцип в лучших традициях геополитики разбивает государства на две группы и выражает базовую для всей геополитики мысль о том, что обширные и ресурсно-богатые государства расширяют свою территорию за счет меньших и ресурсно-бедных обществ. В модели этот принцип находит отражение в последовательности причинно-следственных связей, которые читаются следующим образом: 1) чем больше размер территории, тем больше геополитические ресурсы; 2) чем больше геополитические ресурсы, тем больше военный успех; 3) чем больше военный успех, тем больше размер территории.

Второй и третий принципы устанавливают взаимосвязь между двумя противоположными характеристиками государственных границ и территориальной экспансией. Второй принцип гласит: «Геопозиционное, или “окраинное” (marchland), преимущество благоприятствует территориальной экспансии» [Коллинз 2015, 82]. Третий принцип: «Дробление внутренних (центральных, или срединных) государств» [Коллинз 2015, 83]. В этих двух принципах содержится типология государственных границ. Окраинными государствами являются те, чьи границы защищены каким-либо географическим фактором (обширные водные пространства, горные цепи, пустыни и др.). Центральными являются государства, чьи границы блокированы или соприкасаются на большом протяжении с границами потенциальных противников. В модели эти причинно-следственные связи читаются следующим образом: 1) чем больше государство окраинное, тем больше геополитический успех; 2) чем больше государство центральное, тем меньше геополитический успех. Характеристикам границ и их роли в обороне государств уделял большое внимание К. Хаусхофер. Однако в сравнении с типологией границ Р. Коллинза предложенная немецким ученым типо-

логия не имеет четких критериев и строгих причинно-следственных связей с общей концепцией [Хаусхофер 2001, 147–151].

Р. Коллинз формулирует два принципа распада государства. Во-первых, государства погибают в результате решающих войн (showdown wars) [Коллинз 2015, 84]. Этот принцип не отражен в тренд-структуре, в данном случае геополитические карты с отмеченными на них военно-политическими союзами будут лучшим средством для визуального восприятия. Во-вторых, государства распадаются в результате чрезмерного расширения (overextension), которое «приводит к ресурсному напряжению и государственно-му распаду, или дезинтеграции» [Коллинз 2015, 87]. В результате существования «ножниц» между скоростью расширения территории и скоростью активизации ресурсов с этих территорий непомерно возрастает логистическая нагрузка, и ресурсов для поддержания декларируемого порядка оказывается недостаточно. Мысль о том, что обширное контролируемое пространство может быть источником слабости государства, есть в геополитике прошлого. Р. Челлен, описывая проблемы управления территорией, указывал: «...гигантское пространство демонстрирует нам пример плохой управляемости в рамках конституции» [Челлен 2008, 243].

Следует признать, что проведенный анализ является неполным. Не было уделено внимания целому ряду геополитических школ первой половины XX века, не был исследован период холодной войны, современная геополитика представлена только одной теорией. Многие аспекты визуализации пространства в геополитической науке еще предстоит рассмотреть. Однако даже на уровне проведенного обзора эволюции метода визуализации можно сделать вывод о том, что развитие метода идет от образных метафор к строгим, построенным в форме «если–то» утверждений дескриптивным моделям, на основе которых можно осуществлять номологическое объяснение и предсказание.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барт 2004 – Барт Р. Мифологии / пер. с фр. С. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004.
- Гавриленко 2021 – Гавриленко С. М. Мысленный эксперимент и картография: точки схождения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 62. С. 265–269.

- Горбунов 2017 – *Горбунов В. С.* Необходимость развития приграничных регионов российской федерации с учетом геополитической модели Х. Дж. Маккиндера // Московский экономический журнал. 2017. № 1. С. 153–158.
- Дака 2005 – *Дака А.* Хартленд Маккиндера и расположение геополитического тетраэдра // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 4 (40). С. 55–69.
- Изгарская 2002 – *Изгарская А.* Реконструкция геополитических концепций // Макродинамика. Закономерности геополитических, социальных и культурных изменений / науч. ред. Н. С. Розов. Новосибирск: Наука, 2002. С. 5–158.
- Кефели 2022 – *Кефели И. Ф.* Проблемы обеспечения геополитической безопасности России: материалы заседания Всероссийского научного вебинара «Соединяем пространства» (26 ноября 2022 г.) // *Respublica Literaria*. 2022. Т. 3, № 4. С. 181–208.
- Коллинз 2015 – *Коллинз Р.* Макроистория. Очерки социологии большой длительности / пер. с англ. Н. С. Розов. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015.
- Лавренов 2019 – *Лавренов А. М.* Влияние геополитической теории Х. Маккиндера на формирование угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Российской нации. 2019. № 4 (68). С. 79–89.
- Маккиндер 1995 – *Маккиндер Х.* Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4. С. 162–169.
- Матикеева 2005 – *Матикеева С.* Наследие Маккиндера: пророчество или?.. // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 4 (40). С. 28–33.
- Мегоран, Шарাপова 2005 – *Мегоран Н., Шарাপова С.* Помогает или мешает нам «хартленд» Маккиндера понять Центральную Азию? // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 4 (40). С. 8–23.
- Розов 2002 – *Розов Н. С.* Философия и теория истории. М.: Логос, 2002. Кн. 1: Прологомены.
- Хаусхофер 2001 – *Хаусхофер К.* О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001.
- Челлен 2008 – *Челлен Р.* Государство как форма жизни. М.: РОССПЭН, 2008.
- Эко 2018 – *Эко У.* История иллюзий: легендарные места, земли и страны / пер. с итал. А.А. Сабашникова. М.: Слово, 2018.
- Bakare, Toor 2019 – *Bakare N., Toor M. R.* Revisiting Mackinder's Heartland Theory: Identifying the Emergence of a Complex Power Competition in the Indian Ocean Region // *Przegląd Strategiczny*. 2019. Is. 12. P. 43–58.

- Carneiro 1970 – *Carneiro R. L.* Theory of the Origin of the State // *Science*. 1970. Vol. 169. P. 733–738.
- Cimek 2020 – *Cimek G.* The Impact of the Changing World Order on the Situation of Central and Eastern Europe // *The International Journal of Social Quality*. 2020. Vol. 10, is. 2. P. 93–112.
- Dodds 2007 – *Dodds K.* Geopolitics: A Very Short Introduction. New York: Oxford University Press, 2007.
- Hochberg, Sloan 2017 – *Hochberg L., Sloan G.* Mackinder's Geopolitical Perspective Revisited // *Orbis*. 2017. Vol. 61, is. 4. P. 575–592.
- Hubbard et al. 2005 – *Hubbard P., Kitchin R., Bartley B., Fuller D.* Thinking Geographically. Space, Theory and Contemporary Human Geography. London, New York: Continnum, 2005.
- Mazzucelli et al. 2017 – *Mazzucelli C., Saunders P. C., Ma Z.* Central and Eastern Europe on the Eurasian Chessboard in the Global Century // *Yearbook of the Institute of East-Central Europe*. 2017. Vol. 15, № 2. P. 35–55.
- Mäkinen 2014 – *Mäkinen S.* Geopolitics Teaching and Worldviews: Making the Future Generation in Russia // *Geopolitics*. 2014. Vol. 19. P. 86–108.
- Parker 1976 – *Parker G.* The «Military Revolution» 1560–1660-a Myth? // *Journal of Modern History*. 1976. Vol. 48, July. P.195–214.
- Pereira et al. 2022 – *Pereira P., Zhao W., Symochko L., Inacio M., Bogunovic I., Barcelo D.* The Russian-Ukrainian armed conflict will push back the sustainable development goals // *Geography and Sustainability*. 2022. № 3. P. 277–287.
- Sloan 2020 – *Sloan G.* Sir Halford Mackinder's Democratic Ideals and Reality: A Centennial Appreciation // *Orbis*. 2020. Vol. 64, is. 1. P. 4–23.
- Stinchcombe 1968 – *Stinchcombe A.* Constructing social theories. Chicago: University Chicago Press, 1968.

REFERENCES

- Bakare, N., & Toor, M. R. (2019). Revisiting Mackinder's Heartland Theory: Identifying the Emergence of a Complex Power Competition in the Indian Ocean Region. *Przegląd Strategiczny*, 12, 43–58.
- Barthes, R. (2004). *Mythologies*. Izdatel'stvo Sabashnikovykh. (In Russian).
- Carneiro, R.L. (1970). Theory of the Origin of the State. *Science*, 169, 733–738.
- Cimek, G. (2020). The Impact of the Changing World Order on the Situation of Central and Eastern Europe. *The International Journal of Social Quality*, 2(10), 93–112. <https://doi.org/10.3167/IJSQ.2020.100208>

- Collins, R. (2015). *Macrohistory. Essays in Sociology of the Long Run*. URSS, LENAND. (In Russian).
- Daka, A. (2005). Mackinder's Heartland and the Location of the Geopolitical Tetrahedron. *Central Asia and the Caucasus*, 4(40), 55–69. (In Russian).
- Dodds, K. (2007). *Geopolitics: A Very Short Introduction*. New York: Oxford Univ. Press.
- Eco, U. (2018). *History of Illusions: Legendary Places, Lands and Countries*. Slovo. (In Russian).
- Gavrilenko, S. M. (2021). Thought experiment and cartography: points of convergence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 62, 265–269. <https://doi.org/10.17223/1998863X/62/26> (In Russian).
- Gorbunov, V. S. (2017). Need of development of the border regions of the Russian Federation taking into account the geopolitical model of H. J. Mackinder. *Moscow Economic Journal*, 1, 153–158. (In Russian).
- Haushofer, K. (2001). *About geopolitics. Works of different years*. Mysl'. (In Russian).
- Hochberg, L., & Sloan, G. (2017). Mackinder's Geopolitical Perspective Revisited. *Orbis*, 61(4), 575–592. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2017.08.007>
- Hubbard, P., Kitchin, R., Bartley, B., & Fuller, D. (2005). *Thinking Geographically. Space, Theory and Contemporary Human Geography*. Continnum.
- Izgarskaya, A. (2002). Reconstruction of Geopolitical Concepts. In N. S. Rozov (Ed.), *Macro dynamics. Patterns of Geopolitical, Social and Cultural Changes* (pp. 5–158). Nauka. (In Russian).
- Kefeli, I. F. (2022). Problems of Ensuring Russia's Geopolitical Security. Materials of the Meeting of the All-Russian Scientific Webinar "Connecting Spaces" (26 November 2022). *Respublica Literaria*, 4(3), 181–208. <https://doi.org/10.47850/RL.2022.3.4.181-209> (In Russian).
- Kjellen, R. (2008). *The State as a Living Organism*. ROSSPEN. (In Russian).
- Lavrenov, A. M. (2019). Lavrenov, A. M. (2019). The impact of H. Mackinder's Geopolitical Theory on the Emergence of Threats to the National Security of the Russian Federation. *Bulletin of the Russian nation*, 4(68), 79–89. (In Russian).
- Mackinder, H. J. (1995). The Geographical Pivot of History. *Polis. Political Studies*, 4, 162–169. (In Russian).
- Mäkinen, S. (2014). Geopolitics Teaching and Worldviews: Making the Future Generation in Russia. *Geopolitics*, 19, 86–108. <https://doi.org/10.1080/14650045.2013.847430>

- Matikeeva, S. (2005). Mackinder's Legacy: Was It a Prophecy? *Central Asia and the Caucasus*, 4(40), 28–33. (In Russian).
- Mazzucelli, C., Saunders, P. C., & Ma, Z. (2017). Central and Eastern Europe on the Eurasian Chessboard in the Global Century. *Yearbook of the Institute of East-Central Europe*, 2(15), 35–55.
- Megoran, N., & Sharapova, S. (2005). Mackinder's "Heartland": A Help or Hindrance in Understanding Central Asia's International Relations? *Central Asia and the Caucasus*, 4(40), 8–20. (In Russian).
- Parker, G. (1976). The "Military Revolution" 1560-1660-a Myth? *Journal of Modern History*, 48, 195–214.
- Pereira, P., Zhao W., Symochko, L., Inacio, M., Bogunovic, I., & Barcelo, D. (2022). The Russian-Ukrainian armed conflict will push back the sustainable development goals. *Geography and Sustainability*, 3, 277–287.
- Rozov, N. S. (2002). *Philosophy and theory of history*. Book. 1: Prolegomena. Logos. (In Russian).
- Sloan, G. (2020). Sir Halford Mackinder's Democratic Ideals and Reality: A Centennial Appreciation. *Orbis*, 1(64), 4–23. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2019.12.002>
- Stinchcombe, A. (1968). *Constructing social theories*. Univ. of Chicago Press.

Материал поступил в редакцию 30.10.2022

Материал поступил в редакцию после рецензирования 02.02.2023